

Глеб ВЫШЕСЛАВСКИЙ

НЕСКОЛЬКО ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ ЮРИЯ ЩЕРБАКА

Юрий Щербак — редактор научных сборников Института проблем современного искусства. Искусствовед. Коллега. Этим и было обусловлено мое с ним знакомство. Готовлю статью про нонконформистское искусство в сборник. Передаю диск, распечатку. Все чинно, в коридоре Института. Но статья создавалась мною в спешке, и вот, уже через день, пришлось договариваться о встрече, чтобы передать «исправленный и дополненный» вариант. Встретились, для удобства, на станции метро.

Оказалось, что Юра уже просмотрел мою статью и очень заинтригован упоминанием о Георгии Фенерли — неофициальном киевском художнике и философе 1970–1980-х, известным еще под псевдонимом Филипп Нэрль (автор нескольких самиздатовских книг под общим названием «Звезда Кротонус»). Юрий был с ним дружен и даже в чем-то считает своим учителем. Неожиданно!

Вдруг открылось широкое поле для беседы. Отодвигаем спешку дня, идем в кафе. Выясняется, что Юрий прекрасно знаком с нонконформистским подпольем Киева, лично знал почти всех, кого я упомянул в статье. Тут же, в кафе, благодаря ему, я узнал несметное количество подробностей и деталей — всего того, что может знать только очевидец происходящего. Я еле успевал фиксировать огромные куски из жизни далеких 80-х. Особенно меня радовало, что моя статья ценится очевидцем событий, я даже запомнил звучавшее обнадеживающе дружеское: «как хорошо, что это тобой написано».

Следующее впечатление сильно отличалось от первого. Празднование Нового года в подвальном зале Президиума Академии искусств Украины. Я думаю, все сотрудники Института навсегда запомнили это собрание благо-

Юрий Щербак, 2011 г.

даря гениальной речи-тосту Сергея Васильева, который в своей импровизации сравнивал Институт проблем современного искусства под руководством Виктора Сидоренко с «Домом искусств», основанном ради спасения деятелей искусства в голодном Петрограде в 1919-м. На этом собрании я мог видеть Юрия Щербака в обстановке полуофициальной, но даже на таком фоне намного он был более других свободен от условностей. «Нонконформист всегда и во всем свободен», — думалось мне, когда я смотрел на прыгающего в танце через столы Юру.

Третье неожиданное проявление личности — суровая непримиримость. Даже какая-то недипломатичность в ущерб делу. А фабула была такова. У меня открылась персональная выставка в одной частной галерее. Среди посетителей, к моей радости, было много коллег из Института. Но Юра пришел с еще одной «особой миссией»: оказывается, он хочет, чтобы картины его учителя Фенерли не были забыты, а выставлялись. Попали в хорошую коллекцию. И в этом, как он полагал, я могу ему помочь. Дело было в моем знакомстве с галеристами, которых он плохо знает.

Хорошо. Назначили отдельную встречу в галерее, на фоне выставки. Я, Юра, владелица галереи. Кофе, вино, виноград. И вдруг, буквально с третьей-четвертой фразы, я замечаю, что все идет как-то не так. Неуправляемо. Необъяснимая агрессия между двумя моими визави. Эмоции, скандал. Какие уж тут дела! Быстро уходим. Я крайне удивлен, а Юра в просто ярости: «Какое она, без образования, без понимания искусства, имеет право вмешиваться в процесс, нарушать своим свинским вкусом естественность художественной

Обложка сборника философской и искусствоведческой эссеистики Юрия Щербака «Всередині часу» (К., 2013)

жизни! Ей учиться еще надо, а не высказываться!» Я: «Но, Юра, какое нам дело, в случае с Фенерли, до того, что и как она делает в молодежном современном искусстве?» Однако Юра был непримирим: «Она опозорит имя Фенерли самым своим присутствием». Чтобы не портить день, зашли в кафе. По странному совпадению, случилось то же самое, что и несколько лет назад. За чашкой кофе решили, что пойдем в еще одну галерею, к более сведущему галеристу. Но, как и можно было заранее предположить, результатом был полный провал дела и разочарование Юры в деятелях арт-бизнеса: «Неучи, зазнайки, чванливые хамы, торгаши...»

Через пару лет я узнал, что Юра сам взвалил на себя миссию по сохранению наследия Фенерли. Он собрал большинство уцелевших работ, оформил их, устроил замечательную выставку в зале нашего Института. Благодаря его стараниям был снят документальный фильм о Фенерли, который транслировался по телевидению, был записан на диски и раздавался в дар. А главное, была сохранена и творчески развита атмосфера нонконформистских выставок, что, возможно, неосуществимо в современных галереях. Меня тогда восхитила эта целеустремленность Юры, это отношение к ушедшему другу и к его творчеству.

И когда я услышал трагическое сообщение о смерти Юры, то подумал, что теперь настало время нам, его коллегам, позаботиться о сохранении памяти о Юре — Юрии Щербакe, искусствоведе.